

ЯКУНИН Владимир Иванович – доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, корп. 4 «Шуваловский»; viy@polit.msu.ru)

РОССИЯ И ЗАПАД: ОТ ДИАЛОГА К ПРОТИВОСТОЯНИЮ

Аннотация. По мнению автора, оценка причин победы США в «холодной войне» во многом была ошибочной. И сегодня очевидный кризис системы международных отношений вскрывает структурные противоречия американской внешнеполитической стратегии. В статье также рассмотрены новые тенденции во внешней политике США, обозначившиеся после победы Д. Трампа на президентских выборах.

Ключевые слова: США, политика, ценности, стратегия, элита, СССР, «холодная война», Д. Трамп

Победа Д. Трампа на президентских выборах в Соединенных Штатах является свидетельством тяжелого кризиса Запада и США как лидера западного мира и во многом следствием той политики, которая осуществлялась ими на протяжении последних двух десятилетий. Накопившиеся в США социальные противоречия, долгое время носившие латентный характер и тщательно игнорировавшиеся американским истеблишментом, вызвали ту волну протестного голосования, которая вынесла господина Трампа на вершину американской администрации. Можно сказать, что вслед за Брекситом западная политическая система получила еще один существенный удар, причем в самом сердце своей современной политической системы – в США. Сегодня с полной уверенностью можно утверждать, что мир вступил в полосу серьезных изменений. И эта статья будет посвящена рассмотрению тех процессов, которые во многом стали причинами данных изменений.

В начале 1990-х гг. на волне эйфории после победы в «холодной войне» западные политологи предсказывали близкое наступление эпохи вечного мира. Они исходили из, как им казалось, очевидного посыла: победившие ценности западной цивилизации универсальны, а потому исключают конфликт по определению. Однако конфликт – это неотъемлемая часть любого процесса развития. От диалектики никуда не уйти: система – будь то живой организм, сложный прибор или современный социум – состоит из целого ряда элементов, которые, взятые в чистом виде, несовместимы друг с другом. Они скомбинированы в особом порядке, который поддерживает систему и за счет синергетического эффекта делает ее жизнеспособной. При этом трансформация – ключевое свойство любой системы. Ее составляющие постоянно конфликтуют друг с другом. Противоречия находят свое разрешение на новом уровне синтеза, за счет чего система постоянно эволюционирует.

Эта модель описывает все социально-политическое развитие человечества в течение тысячелетий. Попытки унифицировать его основные тенденции, привести все к общему знаменателю предпринимались всегда. Однако они неизменно терпели неудачу. Сложность и своеобразие не укладывались в прокрустово ложе догм. Западная цивилизация с ее отмеченным еще О. Шпенглером унифицирующим фаустовским духом, стремлением к бесконечной экспансии чаще других сталкивалась с последствиями превратно воспринятого представления о том, как устроен мир [Шпенглер 1998: 241]. Крестовые походы, религиозные войны, инквизиция приводили лишь к потокам крови, социальному разделению и культурному упадку.

Взрыв энтузиазма по поводу наступления «вечного мира» в начале 1990-х гг. — далеко не первый подобный пример. Запад уже неоднократно объявлял о конце истории. В XVII в. о том же говорили первые либералы во главе с Дж. Локком. Накануне Первой мировой войны о глобальном торжестве западного либерального капитализма писали практически все мыслители вне зависимости от политической ориентации. Даже К. Маркс, предрекавший его неизбежный закат, утверждал, что распространение западного типа хозяйствования и образа жизни во всемирном масштабе неизбежно [Маркс, Энгельс 1955].

В этом смысле Ф. Фукуяма и другие теоретики «конца истории» не оригинальны. Согласно Фукуяме, в современном мире место борьбы идеологий заняла борьба за более эффективную стратегию удовлетворения человеческих потребностей в рамках всемирного общества потребления, т.е. основной спор разворачивается отныне вокруг того, как более эффективно добиться одних и тех же, преимущественно экономических, целей. До окончательной победы либерализма в реальном мире еще далеко, но, тем не менее, ему нет альтернатив, даже несмотря на всплеск религиозного исламского фундаментализма и национализма. Появление новых могущественных идеологий маловероятно, да и вряд ли они будут в состоянии предложить что-то большее, чем либерализм, в котором уже «решены все прежние противоречия и удовлетворены человеческие потребности» [Фукуяма 2004].

Правда, признается, что «конец истории» не означает отсутствие конфликтов вообще: отдельные проявления идеологического соперничества локализованы «на задворках цивилизации», в границах мировой периферии, которая будет ареной конфликтов еще очень долгое время. Конфликты также возможны и между частями мира или силами, представляющими «историю» и «постисторию». Тем не менее «столбовая дорога» будущего намечалась довольно уверенными штрихами.

В разных формах эти и подобные им оптимистические или умеренно оптимистические идеи, высказанные тонко чувствующими конъюнктуру публицистами, использовались для обоснования того, что в условиях глобализации успех государств определяется не теми средствами, от которых государства зависели в прошлом. Иными словами, уже не военная мощь значима и является залогом выживания и процветания в «уменьшившемся» мире, в котором государства все более взаимозависимы, а другие факторы, включая экономику, инновационность, пресловутую «мягкую силу» и т.п.

Оптимизм конца «холодной войны» казался оправданным почти десятилетие. Возникло впечатление, что мир стал существенно более безопасным, две сверхдержавы более не балансировали на грани ядерного уничтожения друг друга, в т.ч. и потому, что одна из них прекратила свое существование, а элиты возникших на ее территории новых независимых государств решали более насущные задачи. Началась «перестройка» мировой политики, которая разными государствами планировалась по-разному, но все явно надеялись, что глобализация — явление закономерное и позитивное, а с издержками можно справиться коллективными усилиями.

Спустя почти четверть века оказывается, что безопасность вовсе не гарантируется даже вполне благополучным государствам, границы не являются чем-то раз и навсегда установленным, международные нормы толкуются так, что иногда сложно понять, толкуются ли одни и те же нормы или разные [Бест 2010]. И политики, и представители академического сообщества уже не первый год говорят о том, что мир вступил в период неопределенности и турбулентности.

Почему же тогда снова заговорили о «возвращении геополитики» и даже о начале «новой холодной войны»? Нередко происходящее объясняют ростом новых центров силы, требующих признания за собой иных статусов, нежели им

предписывалось после крушения биполярной системы международных отношений, а также теми сложностями, с которыми сталкивается Запад в попытках сохранения правил, которые были установлены в период «холодной войны» или вскоре после ее окончания.

В частности, такое объяснение в 2014 г. предложил американский политолог У.Р. Мид в статье «Возвращение геополитики: Ответный удар ревизионистских держав» для влиятельного журнала *Foreign Affairs*: «Китай, Иран и Россия так и не смирились с геополитическим порядком, сложившимся после холодной войны, и предпринимают все более активные попытки его разрушить. Процесс не будет мирным, и, независимо от того, преуспеют ли в этом ревизионисты, их действия уже подорвали баланс сил и изменили динамику международной политики» [Mead 2014].

Итак, во всем виноваты или «державы-ревизионисты», стремящиеся «отменить» результаты «проигрыша» в «холодной войне», или их правительства, у которых нет потенциала для превращения своих стран в «державы-ревизионисты», но есть потребность в сохранении созданных ими или их предшественниками политических и экономических порядков. Поскольку эти порядки дефектны, а режимы слабые, то нелиберальные державы становятся источниками проблем, и Запад будет их дисциплинировать, используя широкий набор несилowych и силовых средств, включая санкционное давление и т.п.

Размышляя о причинах внутренней непрочности существующей системы международных отношений, необходимо отметить, что «холодная война», окончание которой Запад отпраздновал в 1991 г., была на самом деле достаточно устойчивой формой институционализации неизбежной глобальной конфликтности. Советско-американское противостояние было становой осью мирового порядка. К нему сводилось подавляющее большинство проблем, возникавших в мире. Многим это не нравилось, но объективно такая ситуация благоприятствовала их разрешению: в рамках диалога равновеликих оппонентов компромиссы находились легче.

СССР и Запад существовали в рамках разных ценностных моделей, однако их объединяло общее понимание реального потенциала противостоящей стороны и единой ответственности за глобальную безопасность. К 1980-м гг. «холодная война» превратилась не столько в войну, сколько в институционализированную форму глобального устройства. Два блока конкурировали друг с другом и тем самым подерживали статус-кво. Ялтинский порядок прочно опирался на две ноги.

Практически мгновенный распад СССР стал шоком для западного истеблишмента. Подавляющее большинство американских экспертов не ожидали в среднесрочной перспективе каких-либо кризисных явлений, способных положить конец существованию Советского Союза. В 1983 г. профессор Принстонского университета С. Коэн заявил о том, что советская система чрезвычайно стабильна.

Подобное мнение было распространено и на уровне спецслужб. Чины ЦРУ постфактум признавали, что серьезно недооценили «растущие системные проблемы» внутри СССР [Jones, Silberzahn 2013]. Немногочисленные аналитики, предсказывавшие крах советского лагеря, как правило, воспринимались как алармисты. Вышедшая в 1965 г. работа французского исследователя М. Гардера «Агония режима в Советской России» была воспринята ученым сообществом весьма скептически [Gardner 1965]. Самые непримиримые оппоненты советского строя склонялись к мысли о том, что его существование гарантировано, по крайней мере, на несколько поколений. В 1976 г. З. Бжезинский написал: «Социальные изменения [в СССР] чрезвычайно медленно отражаются на политической системе. Они начнут значительно влиять на нее, по меньшей мере, через несколько поколений» [Brzezinski 1976: 351]. Если брать за расчетную

единицу активную жизнь одного поколения в 25 лет, то нетрудно посчитать, что Бжезинский отводил СССР еще, как минимум, 50 лет существования.

То, что произошло в 1985–1991 гг., сначала расценивалось американцами острожно, затем — с оптимизмом и, наконец, с ликованием. Противник США в «холодной войне» рухнул настолько быстро и внезапно, что это казалось трудно-объяснимым. Западный истеблишмент, еще недавно холодно-рационально оценивавший баланс сил в противостоянии с советским блоком, решил, что все объясняется некими предзаданными обстоятельствами, которые изначально работали на США и их союзников. Таким образом, возникла ценностная объяснительная модель, господствующая в умах американцев и европейцев по сей день.

Ее каркас был виден уже в «победной» речи президента США Дж. Буша 25 декабря 1991 г.: «Теперь противоборство позади <...> Это победа демократии и свободы. Это моральная победа наших ценностей. Каждый американец может гордиться этой победой»¹. Речь шла об опасном ментальном искажении реальности. Казалось, что СССР исчез, как по мановению волшебной палочки «правильных» ценностей, но это было далеко не так. Упрощенное объяснение крупнейшей политической метаморфозы задало западным политикам и интеллектуалам неверную точку отсчета. Все дальнейшие сбои были тесно с этим связаны.

Система, существовавшая в годы «холодной войны», не исчезла с распадом СССР. Никаких усилий по ее перестройке на более прочных основаниях приложено не было. Идея «конца истории» способствовала распространению на Западе определенной уверенности в том, что западный набор ценностей универсален, а потому верен. В годы перестройки в среде советской интеллигенции было принято иронизировать над съездами КПСС, проходившими под лозунгом: «Учение Ленина вечно потому, что оно верно». Между тем идеология, восторжествовавшая на Западе, исходила из такого же посыла. В реальности же была предпринята попытка сохранить старую систему международных отношений, ориентированную на силовое доминирование сверхдержавы. Однако вместо двух сверхдержав предлагалось сохранить одну, ту, которая основывалась на фундаменте «правильных» ценностей. В итоге старая система осталась, но в предельно разбалансированном виде. Вместо двух опор она теперь опиралась на одну.

Последствия не замедлили сказаться, несмотря на то что инерция американской победы в «холодной войне» оказалась достаточно сильной. Причем первые трудности проявились не вовне, а внутри лагеря победителей. Бенефициарами «холодной войны» были мощные промышленные группы, работавшие на оборонную индустрию, в первую очередь в США.

За океаном их интересы во многом выражали военные. Генерал К. Пауэлл, председатель Объединенного комитета начальников штабов в 1989–1993 гг., опасался того, что восприятие избирателями и политиками снижения уровня внешних угроз, постоянные требования сокращения военных расходов из-за растущего дефицита федерального бюджета, неблагоприятная экономическая конъюнктура могут объективно привести к значительным сокращениям расходов на оборону и иным последствиям, которым военные с определенного момента будут не в состоянии воспрепятствовать. Пауэлл искал возможности отказаться от принципа стратегического планирования, исходящего из существующих и потенциальных угроз национальной безопасности США, противопоставив ему подход, согласно которому США должны сохранить статус сверхдержавы, быть в состоянии защитить долгосрочные национальные интересы США и их союзников при любом развитии событий в мире или регионах, представляющих для

¹ End of the Soviet Union: Text of Bush's address to Nation on Gorbachev's resignation. — *The New York Times*. 1991. December 26.

США особый интерес [Homolar 2011: 194]. В предложенной им стратегической схеме появилась концепция «минимального уровня» военной мощи, ниже которого США утрачивают статус сверхдержавы и теряют возможности обеспечения глобальных обязательств [Robinson et al. 2014: 96].

Это новое видение роли США в мире было тесно связано с интересами американского военно-промышленного комплекса. «Холодную» войну обслуживала целая инфраструктура, которая рисковала остаться невостребованной после ее окончания. В результате начали возникать разного рода теоретические паллиативы, призванные изобрести новую сферу ее применения. В 1990-е гг. был инициирован процесс разработки доктринальных документов, в которых подчеркивалась необходимость сохранения военного превосходства, провозглашался принцип активного участия в формировании стратегической обстановки на общемировом уровне, а также говорилось о недопущении возникновения в будущем государства-соперника [Homolar 2011: 201–202].

Кроме того, отмечалась необходимость обеспечить способность вооруженных сил США одновременно участвовать в двух больших региональных конфликтах. Собственно, уже в первом после окончания «холодной войны» публичном документе *Regional Defense Strategy* было открыто зафиксировано положение о необходимости быть готовыми принять участие в более чем одном конфликте, подобном «Буре в пустыне»¹.

Это предполагало не только сохранение тех мощностей военно-промышленного комплекса, которые обслуживали интересы субъектов «холодной войны», но и их наращивание. Запад оказался неспособным переориентировать свою политику в сторону мирного развития глобальных процессов. Система международных отношений зависла в воздухе, и для ее поддержания в неизменном, оформившемся по результатам 1991 г. виде требовалось постоянное стимулирование. Одним из возможных вариантов было бы признание полноценной международной субъектности за новой постсоветской Россией. Это позволило бы «заземлить» систему, вышедшую из состояния внутреннего баланса. Того же требовала логика внешнеполитического процесса. У всех в памяти оставался провальный пример Версальской системы после 1918 г.

Попытка тогдашних держав-победительниц управлять миром вопреки и в ущерб тем, кого посчитали аутсайдерами, — Германии и России, привела к катастрофическим последствиям. В 1990-х гг. посчитали целесообразным изобрести новый идеологический паллиатив, который позволял на словах уйти от необходимости решения проблемы.

Нельзя сказать, что подобный исход был предопределен изначально. Администрация Б. Клинтона в 1990-х гг. пыталась поменять траекторию движения страны. Одним из центральных пунктов своей программы Клинтон сделал сокращение оборонных расходов посредством сокращения численности вооруженных сил и изменения их структуры. Надо заметить, что это предвыборное обещание пользовалось самой широкой поддержкой избирателей. Однако к этому времени де-факто уже сложился консенсус относительно целевых установок стратегического планирования с его «двухконфликтным стандартом», в результате чего администрация Б. Клинтона в конечном итоге столкнулась с серьезными препятствиями в реализации предвыборных обещаний. А во второе президентство Клинтона оборонные расходы вернулись к средним показателям времен «холодной войны».

Россия в этом новом контексте, разумеется, оставалась на втором плане. В отношении нее на Западе возникла новая модель поведения: относиться, как к

¹ Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. January 1993.

побежденному, не употребляя слова «поражение». Это выглядело как протянутая рука дружбы, однако о дружбе речь не шла. В сфере международных отношений произошла важная метаморфоза, суть которой хорошо изложил Г. Киссинджер. Он утверждал, что жизнеспособность любого международного порядка зависит от того, насколько он уравнивает законность и власть. Причем и то и другое подвержено эволюции и изменению. Впрочем, «когда такое равновесие нарушается, – утверждал бывший госсекретарь США, – то ограничители исчезают и открывается простор для появления самых непомерных притязаний и деятельности самых неукротимых игроков; воцаряется хаос, который длится до тех пор, пока не установится новый порядок» [Киссинджер 2015: 50].

Иными словами, система вышла из равновесия, и вернуть ее в стабильное состояние не получалось. Проблемы начались с наступлением нулевых годов. К внешнеполитическим провалам в Афганистане, Ираке и Ливии добавились внутривнутриполитические, и все это вместе происходило на фоне падающей в кризис мировой экономики. Американскому руководству насущно требовалось найти новый формат для глобального доминирования, изобрести некий эрзац международной системы, который бы позволял им сохранить свои позиции. Решение было найдено в виде механизма институционализации политики «столкновения цивилизаций». Этот рецепт стар как мир – разделяй и властвуй. Между странами и народами существуют острые противоречия, которые искусственно раздуваются, при этом «мировой арбитр» оказывается в роли «третьего радующегося». Возникает ситуация управляемого хаоса, которая создает иллюзию того, что мир свалится в пропасть без контролирующей роли единого центра. Одним выстрелом убивают нескольких зайцев: создают основу для сохранения американской мировой гегемонии, формируют соответствующий информационный фон и решают проблемы финансово-промышленных групп.

Яркий пример такой политики – современный Ближний Восток. Политическую нестабильность в этом регионе решили направить в «правильное» русло путем «встречного взрыва». Западные стратеги-технократы считали, что если они сами инициируют взрыв в тех странах, где нарастали конфликтные отношения, то они смогут потушить конфликт, не давая ему перекинуться на мировую арену, и смогут контролировать процесс. Убежденность в том, что событиями в любом регионе мира можно управлять из одного офиса в Вашингтоне, сыграла здесь роковую роль. Регион взорвался, однако контролировать распространение взрыва западные технократы не смогли. Среди американских специалистов зазвучат голоса об ответственности США за «управляемый» хаос на Ближнем Востоке и в мире вообще [Mearsheimer, Walt 2016: 78].

Ближний Восток – далеко не единственный пример огромных издержек предлагаемой нам модели международных отношений. Превращение Вашингтона в единственный мировой центр силы принесло с собой не безопасность и стабильность, а хаос и распад общественно-политических структур, что, как показали итоги выборов, нашло понимание и в сознании американского общества. Спроектированные в рамках западоцентричной модели институты глобального управления уже не могут эффективно справляться с поставленными перед ними задачами. В политической сфере это проявилось в форме агрессивной и насильственно насаждаемой экспансии неолиберальной модели, в принципе являющейся внешнеисторичной и оторванной от характерных особенностей развития каждого конкретного государства, региона или цивилизации.

Все эти явления стали причиной существенного роста конфликтного потенциала в современных международных отношениях. Идеология противоборства социализма и капитализма, модернизированная после развала СССР в идею защиты от «терроризма», «агрессивности» в сфере политики, а в сфере экономики – в

систему, основанную на презумпции неизбывной мощности экономики США и их безусловного права доминировать в глобальном мире, себя исчерпала.

Именно эти базовые концепции и привели к дестабилизации общей мировой ситуации и, как следствие, к неустойчивости политических систем, что дало основание Дж. Стиглицу заявить о конце неолиберального проекта. С победой Трампа на президентских выборах в США мы можем говорить о наличии материальных подтверждений этих теоретических предположений. Выбрав «несистемного» политика, американский избиратель выразил недоверие американскому истеблишменту и его ценностно-идеологическим воззрениям, сформировав пока весьма нечеткий запрос на изменения.

Россия, защищая свои жизненно важные интересы, была вынуждена бросить вызов той системе международных отношений, которую Запад в лице США уже было «отформатировал» под себя. Теперь понятно, почему нашей стране пришлось столкнуться со столь неоправданно резкой реакцией западных партнеров: крушение конструкций в «мире идей» всегда воспринимается наиболее болезненно. Сейчас уже, хочется надеяться, завершен период эмоциональных реакций, время для осмысления происшедших процессов было. Однажды ступив на дорогу защиты национальных интересов в условиях турбулентной мировой обстановки, хочется верить, что Россия уже не сможет ни отступить, ни свернуть с выбранного пути.

Только этот вариант дает перспективу мирного преодоления разворачивающегося кризиса глобальной политической системы. Мир может быть миром многообразным, состоящим из нескольких центров роста, множественным, многоукладным, транстерриториальным, с высокой степенью географической локализации стран, не обязательно находящихся в трансграничном соединении. Необходимо вести речь о новом мире, где будет разорван порочный круг перехода политического кризиса в экономический и обратно. Плоская модель «экономика и политика» недостаточна вне зависимости от перестановки составляемых. Нужен ее многомерный вариант, где, помимо экономики и политики, будет учтен фактор «человеческого в человеке». Только так возможно приблизить момент наступления стабильного мирового порядка.

В геополитической перспективе можно предположить, что при неизбежности процессов глобальной интеграции и конвергенции, возможно, придет понимание невозможности формирования однополярного устойчивого мира. На смену этой модели также неизбежно рождение новой, черты которой уже пробиваются во все еще неопределенной модели неолиберальной глобализации. Этими чертами являются проекты БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, «Новый шелковый путь», Транс-Евразийский пояс *Razvitie* и др. Все эти примеры представляют собой мегапроекты, международные проекты, но с принципиально иной базой — не одностороннего доминирования, но солидарного интегрального развития. Под нее потребуются полная перестройка всей системы международных и внутрисистемных политических и социально-экономических отношений. Очевидно, одними из ключевых элементов этой трансформации будут принятие методологии диалога цивилизаций и отказ от обольняющей идеи универсализации и стандартизации личности.

Список литературы

- Бест Д. 2010. *Война и право после 1945 г.* М.: ИРИСЭН; Мысль. 680 с.
- Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок.* М.: АСТ. 511 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест коммунистической партии. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 4. С. 419-459.

- Фукуяма Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ. 488 с.
- Шпенглер О. 1998. *Закат Европы*. Т. 1. *Геиштальт и действительность*. М.: Мысль. 668 с.
- Brzezinski Z. 1976. Soviet Politics: From the Future to the Past. – *The Dynamics of Soviet Politics* (ed. by P. Cocks, R.V. Daniels, N.W. Heer). Cambridge, Mass.: Harvard University Press. P. 337-351.
- Garder M. 1965. *L'Agonie du régime en Russie soviétique*. Paris: Table Ronde. 206 p.
- Homolar A. 2011. How to Last Alone at the Top: US Strategic Planning for the Unipolar Era. – *Journal of Strategic Studies*. Vol. 34. Is. 2. P. 189-217.
- Jones M.L., Silberzahn P. 2013. *Constructing Cassandra: Reframing Intelligence Failure at the CIA, 1947–2001*. Stanford. 392 p.
- Mead W.R. 2014. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers. – *Foreign Affairs*. May/June.
- Mearsheimer J., Walt S.M. 2016. The Case for Offshore Balancing. A Superior U.S. Grand Strategy. – *Foreign Affairs*. July/August. P. 70-84.
- Robinson L., Miller P.D., Gordon IV J., Decker J., Schuille M., Cohen R.S. 2014. *Improving Strategic Competence. Lessons from 13 Years of War*. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation. 143 p.

YAKUNIN Vladimir Ivanovich, Dr.Sci.(Polit.Sci.), Head of the Chair of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (27, bld. 4 «Shuvalovskij», Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119991; viy@polit.msu.ru)

RUSSIA AND THE WEST: FROM DIALOGUE TO CONFRONTATION

Abstract. The author considers that assessing the reasons of the US victory in the cold war was largely erroneous. Nowadays an apparent crisis of the system of international relations reveals structural inconsistencies of the US foreign policy strategy. The article also deals with new tendencies in the US foreign policy, which could be indicated after the victory of D. Trump at the presidential elections.

Keywords: USA, politics, values, strategy, elite, USSR, cold war, D. Trump
